

БАТРАКОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился 9 февраля 1959 года

в г. Харькове

С 1978 по 1980 год – служба
в Специальных моторизованных
частях милиции ВВ МВД СССР

С 1978 по 1995 год – служба
в органах МВД в должности
инструктора рукопашного боя

С 1972 года начал заниматься
боевыми искусствами

Общий стаж занятий боевыми
искусствами – 35 лет

Мастер спорта СССР по дзюдо

I дан по каратэ-до сётокан

II дан контактное каратэ-до

III дан кэмпо-будокан-сингитай

IV дан айкибудо

Обладатель Кубка Европы

по кэмпо-кобудо 2007 года

В 1986 году создал свою
авторскую школу рукопашного
и ножевого боя

Инструктор рукопашного боя
экспертно-криминалистического
центра МВД Украины

Автор и разработчик программ
для силовых структур и охранных
агентств, служб безопасности
Эксперт по личной безопасности

БУСИ САНДЗЮРО ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ САМУРАИ СССР

«Как сакура красуется среди деревьев, так самурай среди людей»

Японское изречение

Человек долга

Когда говоришь с этим человеком, в памяти почему-то сразу отчетливо всплывает герой фильма Акиры Куросавы — Цубаки Сандзюро (в переводе с японского, дословно — Камелия Тридцатилетний) — самурай без клана и хозяина, без страха и упрека, но с чувством долга перед самим собой и своим искусством. Но на личных качествах не заканчивается сходство нашего гостя с героем Акиры Куросавы, потому как именно в этом году Игорь Владимирович может с гордостью отметить 20-летний юбилей своей школы и 35-летие с того момента, как стал на путь мастера — путь бусидо. Именно поэтому Редакция журнала не только не преминула поздравить Игоря Владимировича, но и представить своим читателям «Буси Сандзюро» — Самурая Тридцатилетнего (конечно, это метафора, отсылающая нас к фильму «Цубаки Санзюро»: «Меня зовут Сандзюро... Правда, скоро я буду уже Сидзюро (сорокалетний)»). Игорь Владимирович, большое и искреннее Вам СПАСИБО за то, что Вы, преподнося в дар Ваши знания и умения, воспринимаете это как собственный долг.

Наставник

Говоря с Игорем Владимировичем, просто ощущаешь: за нарочитой открытостью скрывается пронизательность, за умением слушать и слышать — вдумчивость, за четкими формулировками — основательность позиции, за которой сокрыты годы и годы опыта, за скромностью — осознание, что титулами, как и оружием, нечего попусту бряцать, клинок следует вынимать из ножен так часто, чтобы не дать ему заржаветь. Вот и титулы всплывают на свет, когда есть повод что-нибудь присоединить к ним. А ведь есть что! Мы (авт.) считаем, что скромность — это путь в безвестность. Но Игорь Владимирович твердо стоит на том, что у него просто школа, а не боевая система, что сам он — инструктор, в лучшем случае учитель. Скромно?! Ну, Игорю Владимировичу быть скромным подобает, а вот нам (авт.), как и журналу, это не приличествует — у нас работа другая, представлять читателю мир и людей боевых искусств так, как их увидели мы. Пусть простит нам нескромность наш герой, но хотелось бы добавить, что он, безусловно, учитель, но... «учитель вся Харьковская милиция» и спецслужб Украины. Многие из учеников Игоря

Владимировича уже в отставке, иные и по сей день занимают руководящие посты в различных ведомствах: МВД (ОБОП в том числе), прокуратура, налоговая, таможня, различные — назы в этих ведомствах. Так что именно Игоря Владимировича и его воспитанников многие добропорядочные граждане должны были бы поблагодарить за свой покой в разгульные 90-е.

Рожденный взмахом клинка

Именно так говорят о самураях. Но, как любит говорить Игорь Владимирович: «сколько сакэ не пей, а самураем не станешь» — это дух, характер, а его, как хороший клинок, надо ковать годами.

— С чего начался ваш путь?

— Бокс, самбо. Спортивных высот перед собой не ставил, но добился.

— А что послужило первопричиной?

— Вы знаете, обычная история. В бокс привели меня отнюдь не звания, титулы и награды, а желание выжить на улице Кишинева, куда приехали мои родители поднимать тракторостроение Молдавской ССР. И не просто выжить, а так, чтобы не было стыдно. Нас — таких, как я, пацанов из Харькова, которых улица встретила, мягко говоря, не дружелюбно — было человек десять с разницей в год-два. Кто по-

дал идею записаться на бокс, я уже и не помню, но нужно отметить, что из десяти человек к концу года остались трое.

Сначала был бокс. Вес у меня был невелик, так что желание поставить удар и уметь защищаться было превыше всего. Хотя первые юношеские состязания показали неплохой результат — 2-е призовое место на квалификационном соревновании, потом стал чемпионом Кишинева. Но... родителям не понравилось.

— И как же вы справились с сопротивлением родителей?

— Поменял единоборство (хитро улыбаясь).

— Все-таки поменяли...

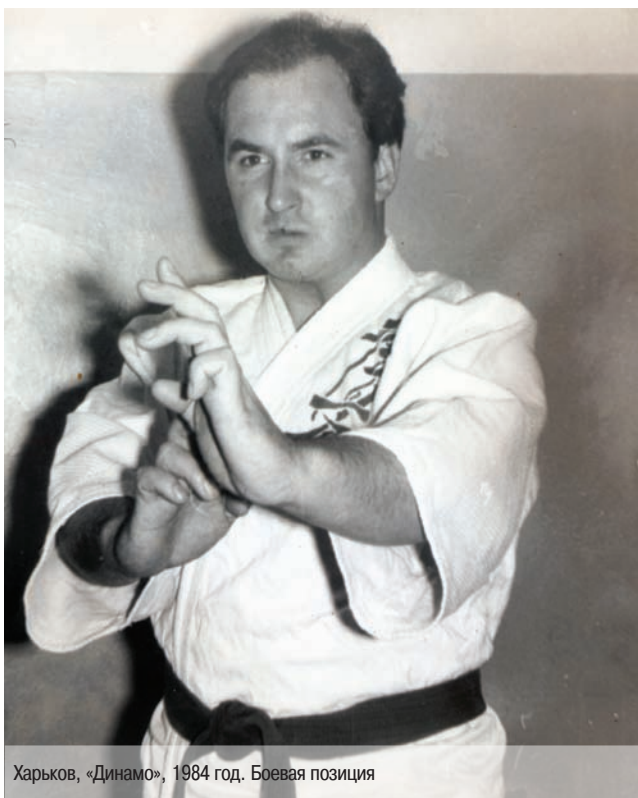
— Но все-таки на единоборство. Да, в общем-то, не их меры повлияли, а воля случая свела меня с самбистом, но опять я ориентировался не на спорт, а на самого строгого экзаменатора — улицу. Удар к тому времени у меня уже был поставлен, но «что такое бросок, я ощутил, когда перевернулись море, чайки и песок». Однажды на спортивных сборах мы — боксеры — решили обменяться опытом с самбистами: «ты мне броски, а я тебе удары». По опыту это был настоящий межвидовой семинар, жизненный в плане ударно-бросковой техники. Я увидел все, что запрещено на ринге, — удар коленом, локтем, головой — кстати, это запрещено не только в боксе, но и в спортивном самбо. Ловкие броски через бедро и спину, подсечка, подножка, отхват, подхват — мне это в самбо очень понравилось, особенно борьба лежа. Ведь в жизни часто все начинается в стойке, а заканчивается лежа на асфальте.

— Что вы имеете в виду?

— Может же быть не асфальт, а, к примеру, ступеньки, возвышение, да мало ли что? Жизнь есть жизнь. Так что правильно упасть — это тоже искусство, а уж что по-

1987 год. Харьковский Юридический институт. Комплекс тайцзицюань

Харьков, «Динамо», 1984 год. Боевая позиция

том делать, так и подавно. Как лежа уходить от угрозы, как выйти из захвата? Этим-то мне и понравилось самбо.

Самбо — изначальное

— Я у вас на показах, в частности на том, что на день МВД проходил в Доме милиции, не заметил борьбы лежа...

— Само собой, это — закон жанра, в телерепортаже предпочтение отдается внешне эффектным, а не эффективным приемам борьбы, а борьба лежа, как и выходы из захватов и удушений, как раз относятся ко вторым, а не к первым. Давайте вспомним старцев, бежавших из Китая от коммунистического режима, которых попытались использовать в Голливуде для съемок боевиков.

— И что?! Чем закончилось?

— Да чем. Противники-то все оказались на полу, а вот как они туда попали — вопрос. Мастера работали быстро — округлыми короткими формами, а они максимально эффективны в реаль-

1998 год. Работа с детской группой

1989 год. Меч против шеста. Совместная тренировка с Борисом Сушинским

«В жизни надо учиться вставать, как бы не больно было падать».

ном бою, но не зрелищны. Так что потребовались специальные постановки сцен с размашистой кинематографической техникой, да и для актеров ввели специальный курс постановочного боя в актерское мастерство. Но вот незадача — от мастерства реального боя там осталось намного меньше, чем от актерского мастерства.

— И все-таки, что лично вам дало самбо?

— Как я уже отмечал, это искусство правильно упасть и мгновенно встать, поймать на прием и уйти от чужого. Разве этого мало? В жизни надо учиться вставать, как бы не больно было падать. Самбо определило мою систему координат, и за это я ему благодарен. Еще благодарен судьбе за тех учителей, с которыми она меня сводила.

— То есть для вас имеют значение такие понятия, как случай и судьба?

— Судите сами.

Скажи мне, кто твой учитель, и...

— Мне очень повезло, что моим учителем по самбо был **Петр Иванович Герге**. Он владел довоенной системой самбо — самобытной, еще никем не выхолощенной под спортивное единоборство, все-таки страна готовилась к войне. Петр Иванович Герге — заслуженный тренер Молдавской ССР, но для нас, пацанов, даже не это было главное. Мы гордились, что наш тренер был участником ВОВ, что он был из полковой разведки — неоднократно под прикрытием артиллерии и в сопровождении саперов «тропил зеленку» — переходил через линию фронта за «языками», за что имел немало правительственных наград. Петр Иванович нам, спортсменам-разрядникам, в виде поощрения в конце традиционной тренировки демонстрировал приемы боевого самбо.

— А это не было разглашением тайны?

— Это были уроки, если выразится по-восточному, для продвинутых учеников, ведь это знание все-таки было прерогативой спецхранов.

— Эти уроки носили систематический характер?

— Нет, они были уникальны. А уже на систематической основе с боевым самбо я столкнулся в 1978 году, когда стал работать инструктором в школе милиции. Это была межобластная школа милиции для младшего и среднего комсостава, находившаяся под началом Харьковского облсполкома во главе с **Леонидом Ивановичем Волощуком**. Я тогда еще был молодым приватным преподавателем-почасовиком, и мне приходилось быть инструктором у людей, у которых уже имелся опыт армии и работы в органах МВД, а мне тогда еще это предстояло, поскольку было всего

18-19 лет. Это и повлияло впоследствии на то, что меня оставили служить в специальных моторизованных частях милиции.

Именно в этой школе милиции я столкнулся со многими секретами мастерства, которые не стыдился перенимать у более опытных инструкторов. Затем был **Николай Григорьевич Пипенко**, тоже обладатель довоенной школы, ушедший в отставку полковником. Он дал хорошую школу обезоруживания в реальном бою.

Был у меня и из Азии преподаватель.

От самбо к Востоку

— Как-то на пикнике мы подрались с подвыпившими вьетнамцами. Я, спортсмен, КМС, пропустил два удара в грудную клетку, отлетел, упал, с трудом поднялся на ноги, еще не понял, что к чему, но кто-то произнес, что это мастер Лонг, который занимается вьетнамским каратэ. Затем я к нему ездил тренироваться.

Все мы заболели восточными единоборствами после фильма Акиры Куросавы «Гений дзюдо». Потом мне с Востоком пришлось столкнуться уже в 1981 году. Я тогда тренировал в школе милиции ВК МВД СССР.

Приехали к нам 80 вьетнамцев из службы безопасности Вьетнама на переподготовку. В первое же утро после перелета дружно встали на зарядку — что-то вроде тайцзицюань. Наши стоят — ВДВ, морпехи: «Да что это они там крутят», а через день-другой смотрю — и себе пристроились, повторяют. А те в любую погоду делают отжимание на ребре ладони — на внутренней стороне и на внешней, маховое растягивание, бег, дыхательные упражнения. Что же собственно до тренировок, вьетнамцы очень ревностно относились к своим искусствам и занимались при закрытых дверях. Движения их были мягкими, ближе к винчуну. Больше всего меня поразило их умение работать с оружием, что я и пытался позаимствовать в меру своих скромных возможностей того времени. Я отдавал предпочтение нунчаку, короткому шесту и ножам. Причем эти вьетнамцы вытворяли такие вещи обычными ножами для нарезания хлеба, что это не описать. Представьте себе, дедушка так вращал два ножа, что со стороны казалось, что он находится в какой-то железной сфере, хищно сверкающей в бликах солнечных лучей.

— Невольно вам завидуешь. Говорят, вы и сами довольно мастерски вращаете нож?

— Я поддерживаю форму, работаю на подсознании. А насчет мастерства — на эмблеме моей школы изображены Фудзи, ворота Тори, кулак и солнце. Фудзи — вершина, Тори — начало, кулак — путь, солнце — цель, вдохновляющая недостижимость. На вершину подняться можно, а вот солнце достать нельзя. На пути боевых искусств есть только начало, конца нет.

О школе и опыте

— Глядя на ваших воспитанников во время показательного телевыступления, я сделал вывод, что вы практикуете, если можно так сказать, «умное самбо», когда сила движения противника переводится в инерцию для его падения. Насколько мне известно, в самбо есть два направления — силовое Харлампиева и Ознобишина и нечто похожее на вашу школу у Спиридонова. Но ведь Спиридонов выбрал именно этот вариант самбо из-за того, что был ранен на войне, а вы и ваши ученики достаточно хорошо физически подготовлены. Чем же вызван такой ваш выбор, если не секрет?

— Прежде всего, то, что вы видели, — это одно из направлений, которое я преподаю для милиции — полицейская система. У милиции цели и задачи — задержать преступника по возможности целым и невредимым. Именно поэтому для милиции и охраны предпочтительнее кэмпо — борьба голыми руками против оружия с использованием подручных средств. Я знаю, о чем говорю, поскольку сам возглавлял охранное агентство в Харькове, тренировал и набирал ребят для работы. Да и на данный момент я провожу плановые тренировки старшего комсостава милиции, криминалистики. Все мои ученики — это работники спецструктур. Я тренирую группы захвата, которые создаются при каждом отделении в основном из мастеров спорта — силовиков, рукопашников, борцов, снайперов. Сам когда-то состоял в такой группе, так что у меня есть много жизненно важных советов для работников силовых структур.

— А кто вам больше импонирует — силовики, борцы или снайперы, ведь не каждый сможет выстрелить в живого человека, несмотря на звание мастера спорта?

— Вы знаете, когда вас страхует мастер, это вселяет уверенность, тем более что стрелять на поражение вовсе не так часто приходится, как вам кажется, да и у них есть специальная психическая подготовка.

Часто приходится сталкиваться с недопониманием на первичном этапе участниками опергрупп уже упомянутых выше целей и задач. К примеру, какой-нибудь боец-«ударник» не преминет заметить: «Буду я возиться, крутить руку, мне легче левой в печень, правой в голову». Минуточку, ребята, вы забываете, что есть понятие «превышение». Вы же сами себя «закроете» в тюрьму. И когда переходишь к самой технике загибов, рычагов, обезоруживания и так далее, они начинают понимать значение системы силового задержания. Конечно, в чем-то техника устарела, поскольку преступники сейчас в основном такие же профи, работающие на уровне спецназа, хорошо вооруженные и снабженные техникой боевики. Среди преступников есть КМС и выше, и это далеко не редкость. Так что криминализация всех социальных слоев поставила другие задачи. Неподготовленный сотрудник

1985 год. Занятия с сотрудниками группы захвата

1990 год. Работа с макиварой, отработка татэ-яма-цки

Работа с сотрудниками уголовного розыска. Обезоруживание

милиции справиться с ними не имеет шансов. Именно поэтому в последние годы культивируются сборные системы рукопашного боя, где есть ударная техника, броски, удушающие приемы и силовой контроль. Единственно, на мой взгляд, мало уделяется внимания оружию.

Во всеоружии

— Какое оружие вы имеете в виду?

— К примеру, дубинка уже морально устарела, а вот традиционная для айкибудо тонфа, которая на вооружении полиции Европы и Америки уже 15-20 лет, хорошо себя зарекомендовала. А нашим милиционерам она известна разве что из «Полицейской академии» и боевиков. Тонфа позволяет выполнять удары, тычки, вплоть до связывания и силового задержания. Это отличная защита от трубы, а также палки, «розочки», ножа.

Очень хороша кубатана — ладонная палочка, изобретение Такаюки Кубото. Кубатана хороша в превентивной технике. С ее помощью можно делать стопорящие тычки, удары, проводить задержание, контроль, конвой. Рекомендую кубатану и обычным гражданам — в качестве такой можно использовать длинные ключи от входной двери, которые под рукой в кармане.

— А почему вы все это не порекомендуете не в частном порядке, а официально руководству МВД?

— Вы же понимаете, как это у нас решается. Все регламентируется номерными приказами. Но те работники, которые не ограничиваются ведомственными тренировками, безусловно, совершенствуются в использовании такого оружия. Сами понимаете, в рамках ведомственных тренировок проверяющие никогда не будут требовать, чтобы сотрудник мог сбить ногой спичечный коробок с головы или демонстрировал формы винчун. Да и времени для отточки такого мастерства в рамках ведомственных занятий явно недостаточно.

— Мне нередко приходилось наблюдать у сотрудников милиции в зимнее время дубинки на поясе, который, в свою очередь, находится под курткой. Что это значит?

— Одно из двух — либо с работы возвращается, либо никогда не доводилось бывать в настоящей переделке. Один из моих учеников практиковал скоростное выхватывание пистолета, дубинки, кубатаны, фонарика — это занимало у него 1,5-2 секунды.

Ножевой бой и ученики

— 5 лет преподаю ножевой бой: тычковая техника, поражение основных зон лимфоузлов. Полицейско-гражданское направление, хотя тоже может попасть под статью — это мягкая округлая техника, направленная на работу по конечностям. Не всегда нужно убивать, достаточно сделать надрез в районе надбровных дуг, и хлынувшая кровь, психологически и закрывая обзор, просто-напросто охладит у вашего противника боевой пыл.

— А я заметил, что в показательных выступлениях Алексей Юраков и Сергей Старченко держат ножи в открытую, но ведь в реальном бою опытный боец так просто его не станет демонстрировать, оставит как козырь напоследок?

1996 год. 3-й городской фестиваль боевых искусств. Тамэси-гири (тестовая рубка мечом)

— Это требование было вызвано классикой и, естественно, учитывается в процессе обучения.

— Говорят, вы увлекаетесь холодным оружием?

— Да, как каждый мужчина, наверное, но ровно настолько, чтобы это не стало патологией. У меня есть музей, в коллекции которого имеется даже сержантский сегунто, правда, массового производства с закалкой в масле, но их очень мало сейчас осталось. Также есть катана ручной работы, четко видна линия закалки — хомон с неозитами (присмотритесь — на фотографии на обложке журнала это отчетливо видно — прим. ред.), осматривавший оружейник сказал, что это ценный экземпляр. Есть в коллекции дагестанский клинок — прямой Кама, ручная работа начала прошлого века, есть бебут артиллерийский и нож «Буря в пустыне».

— А кого можете назвать из учеников?

— Ну, о тех, которых мы уже упоминали. Алексей Юраков тренировался у меня с двенадцати лет. Как-то, уезжая, я его оставил вместо себя вести тренировки. Когда же я вернулся, из более чем 20 человек осталось 5. Оказалось, он их так нагрузил, что они больше не пришли. Пришлось объяснить, что есть коммерческая часть группы, которая приходит в додзё по своим причинам, но настоящим приверженцам помогают снимать зал, содержать оборудование. Но он и к себе такой же требовательный — самурай, который не свернет с раз выбранного пути.

Если Алексей жесткий, то Сергей Старченко мягкий. Хотя тоже замечательная судьба — он был в Индии, затем попал на остров Крит, где не только выжил без знания языка, но и приобрел себе «крышу» в виде тамошней полиции, выбил в прямом смысле слова из зала мастера по тхэквондо и сам стал тренировать полицию и их семьи. Потом, уже здесь, помогал по всем канонам ученичества дедушке-костоправу, который оставил ему секреты своего мастерства. Теперь Сергей живет на ПМЖ в Германии и лечит людей.

А из известных учеников — Борис Евгеньевич Сушинский не гнушался брать уроки.

Школа Батракова

— В чем суть вашей школы?

— У меня авторская программа для ведомственных занятий, а также кэмпо. Практикую три направления асихара-каратэ — техники, вытекающей из кикусинкая.

Есть такой человек, реформатор в мире самбо — Волосных, ученик Харлампиева. Когда я посмотрел на его технику, то подумал, что мы идем в одном направлении. Ведь нельзя придумать ничего принципиально нового, что выходило бы за рамки биомеханики человека. Но все-таки, чем горжусь именно я, — это наработкой у сотрудников навыков 4-5 способов защиты. Больно наблюдать, когда сотрудник не знает, как уgomнить слишком рьяного и еще не задержанного субъекта, и заклинивается на пресловутом загибе без бросков и подножек.

Игорь Вовчанчин и Игорь Батраков. Соревнования среди групп захвата

Верхний ряд, второй справа – инструктор школы кэмпо Юраков Алексей, 1 дан

Я думаю, что иногда стоит спровоцировать дебошира и поймать на прием. Бросок часто недооценивают, а ведь так можно и пыл остудить, и к праотцам отправить. Бросок через бедро — и нарушителя от летальной травмы черепа или позвоночника отделяет всего лишь шаг назад. А ведь это базовая техника. Ведомственная система хороша, да и на соревнованиях по динамовской версии сначала проходит демонстрация техники, а потом спарринги. Демонстрация техники — это когда человек становится спиной к нападающему с оружием и по свистку судьи должен обернуться и провести технические действия против вооруженного противника. Это поможет потом в реальном бою.

— Как много опыта вам дала работа в опергруппе?

— Опыт реального боя мне больше дала работа не в опергруппе, а ночным администратором в кафе в начале 90-х. С того времени у меня осталось столько практических советов, как для охранников, так и для барменов, что в пору новое прикладное направление открывать. Домой с синяками приходилось возвращаться, зато опыт колоссальный.

Я, наверное, как и многие, учу, что если есть возможность уйти от схватки — уйди. Если не на службе, если не угрожают вам и вашим близким. Это не зазорно, это нормально. Победить в бою, не доставая меч, и есть истинное мастерство.

— Вы практикуете боевой транс?

— Да, и ребят готовлю.

— Транс задает темп, а если темп вашего противника вам не подходит?

— Уметь навязать свой темп в бою противнику — это все равно, что подобрать к нему ключи. Зная это, надо формировать свой темп и рисунок боя. Для этого нужно использовать обманную атаку, блок с ударом, разрыв схватки и уход с линии атаки...

Просто не надо забывать, что спорт может привести к травме, а в реальном бою можно лишиться жизни, поэтому все действуют в реальном бою не так, как на тренировке, но тренировки сказываются на вашем образе мысли и действия.

О реальном бое

— Если нет возможности просто уйти, нужно использовать методы прерывания боя. Это улица, здесь нельзя затягивать, неосторожность чревата — оступился, упал — тебя добьют без зазрения совести, замешкался — подтянутся приятели оппонента.

Большинство из уличных «разборок» начинается именно с ударной техники. Чаще всего в уличной схватке ударники действуют стереотипно в связках: ближней ногой, двойка в голову, концовка маваси в голову. Шаппы. Много технических действий.

— Что вы рекомендуете?

— Уход с линии атаки, забегание за спину, при первом же техническом действии противника сближение. В ответ многие

остановятся, отойдя от стереотипа, попытаются разорвать дистанцию, но это вы уже диктуете условия, а не вам. Большинство из них просто не умеют действовать в ближнем бою. А дальше — уходы, сталкивание противников, подсечки, броски, подножки, атака затылка, позвоночник, локти... броски дзюдо, айкидо: котэгаэси, сихонагэ.

— Те, которые близки самому Батракову?

— Да, да. Так всегда, наверное, но я не монополист. Ученик должен получить то, что нужно именно ему, отталкиваясь от его собственных тактико-технических данных, не слепо копировать, а вырабатывать свою индивидуальность в единоборстве. Мне близок Накаяма в своей мысли: «Истинное каратэ начинается там, где заканчивается повторение и начинается импровизация». Она порой в учениках лучше любой похвалы, это более сладкий плод, просто не каждый его вкушает. Но творчество хорошо, когда оно строится на какой-то основе. Не построишь крепкий дом без фундамента.

— У вас есть женская самооборона?

— Да, конечно, но там абсолютно другой подход. Какой бы чемпионкой девушка не была, какую бы страшную стойку в гневе не занимала, а на улице с таким подходом обязательно проиграет. Дело в том, что стойка провоцирует и предостерегает. А этого делать нельзя. Девушка в глазах нападающего должна проиграть, поддаться ему и только потом, используя неожиданность, ошеломить и убежать.

— Вот вы говорите о стойке, а ведь в реальном бою не всегда успеешь встать в стойку?

— В классической восточной традиции преподавания 5-10 стоек, для реального боя две — учебная и боевая. Принимая стойку, вы однозначно провоцируете противника на активные действия. Поэтому существуют шифрованные стойки — жестикуляция, поправление одежды, прически, поглядывание на часы, в эти моменты ноги должны перестроиться, прикрыть область паха, да и ваши маневры не дадут противнику себя уверенно чувствовать. Но если уже на вас сыплется град ударов, то в такой ситуации нужно вспоминать основные навыки — подбородок опущен, руки ближе к туловищу, руки повыше.

Неплохо сразу определить, кто в группе лидер. Он, как правило, и самый опасный. Это не значит, что он начнет, но однозначно подаст сигнал. Если вы его определите, то это будет сигнал не только противнику, но и вам. Часто лидер — это человек с опытом, а лицо за себя говорит. Уши и нос могут быть ломаны, обратите внимание на шрамы. С лидером, особенно, если он первый на очереди, нельзя увлекаться — здесь броски и болевые не подойдут: вас просто забьют остальные. Здесь нужно подругому: блок — удар, работа по конечностям, все время лавировать, вытаскивая на себя так, чтобы противники сталкивались на линии атаки друг с другом. Вывели двоих — замечательно, троих — просто сказка.

— Скажите, а ведь есть такой шаблон, когда работники милиции демонстрируют удостоверение правой рукой?

— Да и это не грамотно, лучше левой, соблюдая дистанцию, в крайнем случае, бросить его в лицо противнику. У меня это чувство дистанции выработано еще в боксе.

— Вы преподаете в группах или индивидуально?

— У меня смешанный подход. Есть и групповые, и индивидуальные занятия, и это не зависит от денег. Дело в том, что я не тренер. Ведь тренер, так или иначе, вынужден делать ставку на тех, кто принесет в итоге кубки, звания, награды. А я нет. Я четко понимаю, что для некоторых просто необходим дух додзё, мир единоборств, если хотите, медитация движений.

— У вас много групп?

— Две. Детская — человек 10 и взрослых 12-15. Рекламой я не занимаюсь. Детскую группу составляют в основном дети сотрудников МВД, СБУ, налоговой, прокуратуры, таможни.

10 лет я тренировал в Старт-школе на Новых домах, а теперь перебрался в лицей № 122 напротив Фрунзенского отделения милиции.

— У меня начало складываться мнение, что у нас на Украине бурно развиваются именно ударные виды единоборств. Как вы считаете, чем это вызвано?

— Справедливо замечено. Бокс, кикбоксинг, муэй-тай, тхэквондо развиваются у нас, в первую очередь, из-за агрессивности молодежи, привлекательной символики. Не последнюю роль играет, наверное, и то, что выжить на улице индустриального города весьма тяжело, особенно в так называемых рабочих кварталах. А уличная схватка чаще всего протекает в ударном ключе. Вот и совершенствуются ребята в вышеперечисленных направлениях.

— То есть во главу угла ставится не совершенствование мастерства в единоборстве, а выигрыш в драке?

— Вы знаете, мастерство в любом единоборстве на улице не помеха, а подспорье. Но и умение победить в реальном уличном бою тоже сродни определенному рода мастерству.

— А как вы оцениваете развитие единоборств на востоке Украины?

— Давайте рассмотрим пример Харькова и его рабочих окраин. Надо сказать честно, что теннис, фехтование и верховая езда здесь не прижились, поскольку не помогли выжить в период разгула криминалитета. Согласны? Подворотня — серьезный учитель, но жестокий и суровый. Мастера спорта СССР по боксу, тренирующиеся на ХТЗ, спасли немало мальчишек, не только научив их защищаться, но и забрав их с улицы и дав им путевку в большой спорт.

По этой же причине очень хорошо развиты ударные виды единоборств в Донбассе: бокс, кикбоксинг, муэй-тай.

— Интересная у нас тут выходит тенденция: у народа популярны ударные единоборства, у спецструктур — смешанные бросково-ударные плюс применение разных подручных средств. Значит, это эффективная система, иначе она бы не осталась на вооружении органов, или это консерватизм?

— У специальных органов должны оставаться и специальные методы, и преимущество. Да и что можно предложить взамен? Айкидо? Винчун? Но они не могут стать массовыми в силу определенных причин. А если говорить об армии, нужно исходить из опыта Афгана и Чечни, который показал необходимость ОФП и огневой подготовки. А единоборства нужны для пикового случая и для полиции. Что же касается самбо — техника не сложная, но эффективная, и, пожалуй, недооценена населением.

— Откуда опыт: Афган, Чечня?

— Тренировал «царандой» — народную милицию Афганистана. Стрелять они очень любили, а бороться не очень. Тогда выяснил для себя, что в Пакистане боевиков готовили японцы, в частности, один из учеников Масутацу Оямы, так называемый «афганский самурай», — он и инструктировал, и сам на операции ходил против наших ребят.

О семье

— Как жена относится к работе?

— Она у меня врач скорой, так что, насмотревшись, понимает, какая у меня нужная и важная работа.

Сын ходил ко мне ровно столько, сколько ему нужно было, а потом... В общем, своим детям ты можешь быть родителем, но истинным учителем — вряд ли.

Слово мастеру

— Как у вас возникла мысль о преподавании?

— Однажды появляется желание, что-бы твои ученики имели то, чего в свое время не было у тебя, но очень хотелось.

— Что бы вы могли пожелать читателям «Боевых искусств — ключей к совершенству»?

— Я хотел бы сказать всем, что только открывает двери спортзала: вы ответственные люди, будьте достойны своего выбора. Не сворачивайте с избранного пути, прислушивайтесь к старшим, не обижайте слабых. Если можно уйти от боя, сыграйте его, уходя от схватки. Экономьте время, силы, энергию. Пытайтесь найти что-то свое в единоборствах.

Пользуясь случаем, хочу поздравить всех-всех, кто трудился и продолжает трудиться над созданием этого прекрасного и нужного журнала «Боевые искусства — ключи к совершенству», а также всех адептов различных стилей, направлений и школ боевых искусств с наступающим Новым 2008 годом! Желаю всем крепкого здоровья, больших творческих успехов и никогда не сворачивать с выбранного однажды Великого Пути воинских искусств! Лично хотелось бы поздравить заслуженного тренера Украины по рукопашному бою Костева Д. Д.; полковника милиции, 2-й дан кэмпо Перлина С. И.; бойца по духу, моего друга, мастера спорта по самбо СССР, ветерана спецназа ВДВ и спецподразделения «Беркут», майора милиции Воробьева С. Л.! Всех моих бывших и настоящих учеников! Всех-всех!

С уважением, Батраков Игорь Владимирович

Беседовал Дмитрий Змиенко
Фотографии из личного архива
Батракова И. В. и Андрея Филипского

Слева направо: Перлин С.И., Волобуев С.И., Батраков И.В., Вовчанчин И.Я., Купровский В.И.